

А

В. В. Верещагин

Федор Викторович Немиров. Мастеровой

Из книги "Иллюстрированные автобиографии нескольких незамечательных русских людей"

Верещагин В. В. Повести. Очерки. Воспоминания / Сост. и примеч. В. А. Кошелева и А. В. Чернова. -- М.: Сов. Россия, 1990.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Здесьней губернии, Вологодской губернии, батюшка, из самого города, мещанин природный, даже цеховых дел мастер, можно назвать,-- Федор Викторович Немиров, имя и фамилия, и отчество. Семья была 5 человек: 4 брата и одна сестра. Семейство, теперяча, примерно сказать, кормилось -- как мой-то отец, он был столяр, коностасник, в храмы иконостасы делал и пропитывал тем семейство.

Старший брат был образован столярному; уехал в Петербург, позамотался там, значит, не высылал родителям ничего. Я по этому случаю и отведен был от хозяина, от живописца, подсоблять родителям. Когда малолетние были -- стручки воровал: были у нас кирпичные заводы на поле, и тут горох был. Рабеньков десять нас собралось, кое-кого, воровать. Хозяйка тут узнала меня по волосам -- белые были волосы.

Пришла к родителю с жалобой, изъясняться, что вы, говорит, потакаете своим детям по чужим огородам ходить! Потом родителя рассердила она этим разговором: вот как, говорит, потакаю! И стал сечь меня без милосердия. Я не столько думал о боли от розог, как думал, что между ногами у родителя задохнусь, кровь уж хлынула у меня. Она после отнимать стала, он и ее потолкнул: я, говорит, вот как умею потакать детям, чтобы баловали у меня.

И посейчас, где вижу горох, сейчас в голову: "Вот почин-от мой!"

Парень хороший был, жалобы часто были: поколотить кого -- это мое дело было -- с жалобой ходили, и часто за это меня хлестали, прекращали мою удаль.

Особенно кутейников не любил,-- вот семинаристы, иначе "семинары", мы всё прежде "кутьей" их звали. Здесь, из семинарии идут, народишко такой вздорный, мы, мещане, их не любили. Особенно, вот, в ярмарочное время, было так же, как будто война была на реке, как вроде бы этикие кулачные, которая сторона осилит; одна сторона от семинарии, другая от рыбных рядов; которая осилит, та и погонит. Полиция слаба была в те времена. Праздничные дни, мастеровым когда свободно, сначала из маленьких пойдут, после и большие пристанут, и они из классов, от чина к чину выше придут... Было этих глупостей, сударь! Долго-то нельзя ведь, они начальство имели; всё больше наши мастеровые брали верх, и прогонят их, в семинарию, и загоним своею-то партией.

Тут в детстве тоже было. Отец послал: "Поди, Федюшка, дай подпаскам гривенник, чтобы из лошадей мне волосков надергали". Дал три копейки -- для смычка, для скрипки, починивал он. Гривну я получил, мне понравилась она, новенькая еще, подумал: не отдам подпаскам, лучше сам выдерну -- это в уме и держал сам. Увидел некованого жеребца, стрижку еще, и стал дергать из хвоста; он меня и лягнул; аршина два отлетел от его и успел ведь выдернуть волосы, только в колено, в левую ногу он попал; кабы я дальше стоял, убил бы меня. И теперь вся левая сторона болит, сказывается. Страдал, а родителю не поведал -- он бы высек меня!

У Бориса Егоровича Монахова обучался живописному; семь месяцев рисовал только азбуку, значит, зеницы ока; и до всего человека вырисовывал фигуры карандашом, за краски не принимался; последняя фигура оставалась, зады человека вырисовать, и ее не вырисовал.

От бога не утаишь, теперяча, но от вас могу утаить; однако, хочу я сказать, отчего я сделался столяром: у хозяина, теперяча, вышпаклеваны были шесть икон, под живопись, приготовлены были, и я сейчас на печку поднял эти деки, чтобы они скорее сохли, а их и разорвало с концов-то вершков около 4-х, по стругам-то!

Случилось на масленой неделе. За 90 верст от Вологды естя волость Шуйская, где хозяин жил. Я увидел свою беду -- неизбежная гибель от хозяина будет, попало бы на орехи! Никому не сказал и сейчас сходил в одно место, узнал, что в Вологду едут, и стал просить у хозяина увольнения на масленичной неделе отпустить меня к родителям, даже поклонился в ноги, и он отпустил меня с удовольствием. Я, значит,